

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
P71

Caroline Ronnefeldt
QUENDEL 2 — WINDZEIT, WOLFSZEIT
Печатается с разрешения *Ueberreuter Verlag GmbH*
и при содействии литературного агентства «*Медиана*»

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Художественное оформление *Василия Половцева*
Иллюстрация на переплете *Екатерины Кравченко (Catherine Moirah)*
Дизайн макета *Виктории Давлетбаевой*
Элементы дизайна на суперобложке и в блоке — *Агний Немов (Agniy ART)*

Роннефельдт, Каролина.

P71 Квендель. Книга 2. Время ветра, время волка : [фантастический роман] / Каролина Роннефельдт; перевод с немецкого В. С. Гордиенко. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 464 с. — (Квендель. Эпическая фэнтези).

ISBN 978-5-17-162873-4

Ужасная Волчья ночь, когда границы между Холмогорьем и Страной теней оказались стерты, наконец-то прошла. С рассветом беспечные квендели вернулись к подготовке к традиционному ежегодному Празднику Масок, на который все кланы съезжаются в город Баумельбург.

Однако опасность вовсе не миновала, и жуткий туман продолжает стелиться над зелеными холмами. Напрасно мудрый Одилий пересказывает древние легенды и молит квенделей прислушаться к его словам. Ведь когда разразится очередная буря — еще яростней и страшнее, чем прежде, — они окажутся не готовы...

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Copyright © Caroline Ronnefeldt, 2019
© Ueberreuter Verlag GmbH, Berlin, 2019
© Вера Гордиенко, перевод на русский язык, 2024
© Вера Соломахина, стихотворения, перевод на русский язык, 2024
© Агний Немов (Agniy ART), рамка на суперобложке и в блоке, 2024
© Екатерина Кравченко (Catherine Moirah), иллюстрация на переплете, 2024
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2024

ISBN 978-5-17-162873-4

Посвящается Катрин, Карстену и Филиппу,
с наилучшими пожеланиями всему двору.
С вами за деревьями виден лес

И Уиллоу, кроткому Виденману (2003–2018).
За то, что всегда был рядом

Так быстро исчезает все, что ярко.

Уильям Шекспир. Сон в летнюю ночь¹

Во тьме лесов живут нечестивые звери и птицы; глаза их сверкают жаждой крови, у них страшные челюсти, жуткие блестящие клыки или острые клювы. Их цепкие когти готовы вонзиться в горло жертвы, из которого тотчас же брызнет кровь.

Сельма Лагерлёф. Сага о Йёсте Берлинге²

¹ Перевод М. Лозинского.

² Перевод Л. Брауде, Н. Беяковой.

Окутывая холмы серебристыми лентами, поднимается туман. Белая пелена скрывает границы, но ненадолго — путь открыт. Куда он ведет? Неведомо, ведь мы — ягнята, а наступает время волка. Вода замерзает, превращаясь в тонкий неверный лед, и мир становится хрупким. После короткой осени слишком рано наступает зима. Она проникает в пустой дом, и мы дрожим от холода. Тень нависает над землей, делая небо бледным, а солнце — слепым. В сумерки леса и луга окутаны тусклым сиянием дневного светила. Ночью луна, словно открытая рана, кажется кроваво-красной. В угасающем свете отвесные скалы тянутся друг к другу. Где вход, где выход? Ищите во тьме, в которой нет ничего и в то же время что-то скрыто. Морозный ветер проносится по ущелью и режет острые гребни скал. Слышите, как он воет? Время ветра, время волка.

Грохочут, будто боевые щиты, тучи. Это они, давно умершие, оседлали штормовой ветер и несут разрушение. Он придет с воронами, что несут черные тени. Он придет с мечами, что рассекают туман. И найдет тех, кто прячется от него, найдет по следу — и в грохоте, и в тишине.

Горе вам, ибо тень его нависла над землей. Я чувствую его. Я его вижу. И не только во сне. Не знаю, сплю или бодрствую. Не знаю, кто я и откуда.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

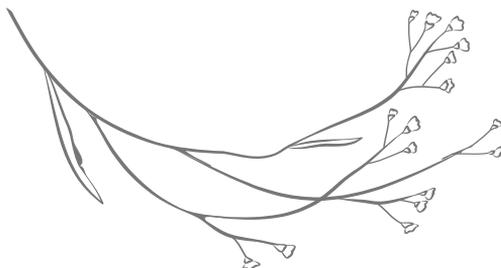
**ИЗ-ЗА
БЛИЖНИХ
И ДАЛЬНИХ
ХОЛМОВ**

*За что мне боль такая?
Я, будто в полусне,
Проталины считаю,
Лес слышу в тишине.*

*Тьма с неба нависает,
Не изменить черед.
За что мне боль такая?
Когда ж покой придет?³*

Йозеф фон Эйхендорф.
Дань умершим

³ Здесь и далее стихотворения приведены в переводе В. Соломахиной, если не указано иного. — *Прим. ред.*

Одинокий всадник подъехал к дороге с берега Холодной реки. Похоже, он не спешил, потому что опустил поводья, позволяя пони шагаться неторопливо, как тому вздумается. Погруженный в размышления, всадник ссутулился в седле, устало склонив голову, и лишь изредка поглядывал вокруг, словно проверяя, нет ли угрозы там, куда он направляется. Однако в тени высоких деревьев царил неподвижность. Чуть отступив от берега реки, деревья рядами высились по обеим сторонам неуклонно поднимающейся в гору дороги, их могучие стволы заслоняли собой луга и поля речной долины.

Совсем недавно пони и всадник прошли по старому каменному мосту через широкую реку у подножия замковой скалы. Еще двадцать шагов в гору, и из полосы бледного солнечного света они войдут в торжественный полумрак старой аллеи. «Елки-поганки, липы! Сплошь липы, как будто других деревьев нет на свете», — подумал всадник, глядя вперед поверх головы своего пони.

Если бы он подъехал к мосту с противоположной стороны, то невольно остановился бы, любуясь великолепным зрелищем. Ведь всякий, кто спускался по аллее из Вороньей деревни, непременно устремлял взгляд к конечной точке на холме. Там, на отвесной скале, еще издали была видна Воронья твердыня в обрамлении деревьев — руины замка словно парили в воздухе, полускрытые у основания стелющимся над рекой туманом. Окруженное крепостными стенами, здание вздымалось на головокружительной высоте над водами Холодной реки. На скале виднелись развалины

и других построек, без крыш, с зияющими оконными проемами. И скала, и башни замка тянулись к небу, такие тонкие и высокие, что их очертания точно вписывались в проем, открывавшийся с липовой аллеи. Чем ближе подъезжал путник, тем дальше отступали ряды деревьев, а руины неуклонно вырастали, грандиозные и пугающие. В вышине над древними стенами кружили черные птицы, разрывая воздух хриплыми криками. В сотнях ниш гнездились в основном галки, но встречались и крупные вороны, обитавшие здесь с незапамятных времен и давшие название замку. Убежище свое они делили с пустельгами, совами и другими воронами, которые селились на деревьях у подножия скалы. Ни один голубь не осмеливался залетать в это опасное место.

Всадник спиной чувствовал Воронью твердьню. Он ни разу не обернулся в седле. К развалинам он подъехал всего два дня назад и сразу же подстегнул пони. Утро выдалось особенно туманным, как часто бывает поздней осенью, в месяц Туманной Луны, — только по календарю лето еще не подошло к концу. Однако погода была такой мрачной, словно в этом году позабыла о золотых днях Грибной Луны и перескочила напрямик в холодный сезон, не оставив воспоминаний о последнем всплеске солнечного тепла. Погожих дней оставалось мало, а вместе с ними и радостей по сезону, вроде солнечной ванны на скамейке в саду, пикника после сбора грибов и ягод или прогулки в лучах вечернего солнца — прощания с летом. С середины Желудевой Луны небо частенько затягивали тучи, и пасмурность накладывала отпечаток на холмы и настроение их обитателей, которые связывали странную погоду с тревожными событиями одной поздней летней ночи, известной теперь как Волчья ночь. Почти повсюду в стране происходили необъяснимые и даже ужасные события, внезапной бурей застигая жителей.

«Хотя не все Холмогорье пострадало так сильно, как деревни возле Сумрачного леса и их окрестности, однако от этого не легче», — с тревогой подумал всадник, направляя пони обратно к середине дороги. Животное сбилось со сте-

пенного шага, чтобы уверенно направиться к аппетитному клочку травы на обочине, и теперь повиновалось приказу хозяина с недовольным фырканьем, вспомнив о своем превосходстве четвероногого.

— Поторопись к нашей старой липе, мой драгоценный Фридо. Будь так добр!

Гнедой пони перешел на рысь, унося всадника под сень деревьев. Здесь было прохладно и тихо. Когда Фридо вернулся к неторопливому аллюру, седок отпустил поводья. Так легче думалось, а ему стоило собраться с мыслями до того, как начнется неизбежная суета. Ради такого можно было и приехать чуть позже, чем он обещал.

Прежде чем вернуться к размышлениям, приноровившись к мягко покачивающейся походке Фридо, всадник привычно окинул взглядом окрестности. И вдруг выпрямился и резко натянул поводья. Пони остановился и наострил уши: из-за ствола липы, примерно в тридцати шагах, выскользнула фигура. Не слишком высокого роста и в одежде цветов леса, что делало ее почти невидимой. И все же всадник не преминул отметить, что неизвестный нерешительно ступил из-за деревьев слева от дороги, оглядываясь настороженно, будто олень. Очевидно, услышал топот копыт и понял, что кто-то приближается от реки.

«Он показался, не стал прятаться, а значит, не боится, — подумал всадник, в очередной раз досадуя на свое недоверие. — Дрожащее ты желе! Может быть, тот, кто стоит там, в тени, не имеет ни малейшего злого умысла и просто бродит по холмам. Да и на вид он довольно хилый». Однако с Волчьей ночи путник во всем и всегда видел угрозу и порой не знал, что это — обычная осторожность или неизбывный страх, иногда даже перед собственной тенью.

— Елки-поганки, кто там прячется?! — крикнул он так громко, что Фридо вздрогнул, и затем решительно добавил: — Если вас много, то выходите все, немедленно! Я еду первым, а за мной следует большая компания!

В ответ из-за серо-зеленых стволов скользнула вторая фигура, и всадник испугался. Этого он никак не ожидал, несмотря на сказанное. Незнакомый тоже казался пугающе высоким и худым, он появился так неожиданно, словно вылез прямо из липы. Всадник вздрогнул. И тут раздалось хихиканье, сразу же сменившееся громким смехом. Меньшая из фигурок внезапно выскочила на середину дороги и сорвала с головы капюшон темно-зеленого плаща. Показались всклокоченные кудри и широкая улыбка юного квенделя.

— Привет, Звентибольд! Ты опоздал! — воскликнул Карлман и помахал рукой. — Я тебя сразу узнал, но Уилфрид, вот он, рядом, сказал, что в наше время осторожность не помешает, поэтому мы подождали, чтобы подстраховаться.

Биттерлинг фыркнул так, что его пони по праву возгордился своим хозяином. Всадник испытал огромное облегчение и в то же время слегка устыдился. Похоже, даже малейшая неуверенность, тень сомнения, легкий намек на опасность могли привести его в сильнейшее беспокойство, и с этим ничего нельзя было поделать. Лишь по пустой дороге он мог бы еще долго ехать в одиночестве, сохраняя самообладание.

Слегка понукая Фридо, Звентибольд направил его к друзьям. Пони рысью пошел туда, где ждали высокий мельник и молодой квендель. Звентибольд спешил, похлопал Карлмана по плечу и приветствовал Уилфрида фон ден Штайне-на дружеским кивком.

Мельник вынул трубку из правого уголка рта.

— Привет, Биттерлинг! — сказал он и улыбнулся так тепло и открыто, что Звентибольд был тронут. Уилфрид не зря имел репутацию человека, способного правдиво толковать приметы, а благодаря неизбыточной уверенности в хорошем исходе он мог любого обнадежить, даже если будущее рисовалось не столь радужным.

— Ну, мой мальчик, — обратился Звентибольд к Карлману, — откуда ты пришел? Вызвался сопровождать доброго Уилфрида?

— Да, — ответил молодой квендель с гордой улыбкой. — Старик Пффиффер отпустил меня на мельницу.

— Так-так, дело ответственное, — кивнул Звентибольд, незаметно подмигнув мельнику. — Полагаю, твоя матушка и Гортензия не высказали ни малейших возражений?

Щеки Карлмана слегка покраснели.

— Честно говоря, мама спала, и мы не хотели ее будить, когда Одилий меня отправил. А Гортензия почти всегда с дядей Бульрихом. Она даже не поняла, что я ушел. Одилий, конечно, хотел сообщить ей об этом. Дома мне делать нечего, я везде только мешаю. В Воронью деревню и к вам меня не отпустили. Клянусь дрожащими поганками, это глупо! Со мной обращаются как с младенцем. И это после всего, что мы пережили вместе, — вызывающе сообщил он и после небольшой паузы добавил: — Только старик Пффиффер, похоже, другого мнения.

— Все в порядке, Карлман, — ответил Звентибольд, на этот раз без капли насмешки. — Прости, я не хотел тебя дразнить. Тебе вряд ли приятно слышать такое от меня — ведь я и сам дрожу, как кот, который знает, что соседская собака сорвалась с цепи.

— Все мы нынче настороже, мой добрый Звентибольд, — согласился Уилфрид с озабоченным видом. — Значит, у всех нас хватает ума. А может, и не у всех. — Он затаился трубкой и выпустил в прохладный воздух ароматное облако табака с медовым запахом. — А что насчет квенделинцев? — спросил он неожиданно резко. — Они придут?

— Придут, — ответил Биттерлинг. — Скорее всего, они уже в пути, и если бы деревья вдоль реки не были такими густыми, мы, возможно, даже увидели бы их с высоты этого холма. Признаюсь, что поначалу убедить Бозо было нелегко. Он склонен смотреть на вещи по-своему и принимается за дело, только когда запахнет жареным. Все знают, как устроены квенделинцы. То, что по ту сторону великой реки и в остальных холмах считается важным, они поначалу ставят под сомнение — лишь бы поспорить. Однако

нередко оказываются правы в своем недоверии. Не могут признать.

Мельник кивнул.

— У них там свои правила, знаю. И старый Бозо умен, как столетний барсук. Но уж если он что решил, то возьмется за дело серьезно, и это хорошо, потому как его голос будет иметь вес в огромном хоре пустозвонов и болтунов.

Звентибольд вежливо воздержался от вопроса, кого именно мельник упоминает столь нелестным образом. На ум пришли Дрого Шнеклинг — хозяин трактира в его родной деревне Звездчатке — и пекарь Венцель из Зеленого Лога, да и другие уважаемые граждане, не в последнюю очередь — из совета устроителей празднеств. Он невольно вздохнул и с досадой подумал о встрече, назначенной сегодня вечером у липы в Вороньей деревне. Тех, кого в первую очередь волновал предстоящий маскарад и неукоснительное соблюдение давних привычек и традиций, не отвлечешь вихрями и туманами в ночном небе. Еще недавно он и сам придерживался такого мнения и стойко его защищал. Были, конечно, и те, кто старался держаться достойно и выказывал мужество, которое, будем надеяться, не скоро подвергнется такому же горькому испытанию, какое выпало на долю самого Звентибольда.

— Как поживает Бульрих? — прервал его размышления мельник.

Одного этого вопроса было достаточно, чтобы Биттерлинг печально нахмурился. Он несколько раз покачал головой и погладил бархатистый нос стоящего рядом Фридо, словно ища дружеской поддержки, чтобы найти в себе силы справиться с трагедией.

— Ох, лучше не спрашивайте. Совсем не тот, что раньше. Сами увидите. Он даже не помнит, что произошло, не так ли, Карлман, мой дорогой мальчик? Твой старый дядюшка будто угодил в кошмар, из которого никак не выбраться. Хотя в последнее время он стал реже находиться в постели, но по-прежнему часто отдыхает. Однако заметных улучше-

ний нет. Бульрих похож на призрак самого себя, от Шаттенбарта осталась лишь тень⁴.

Биттерлинг достал из жилетного кармана носовой платок и громко высморкался, Карлман тоже расстроено заморгал.

— Я все рассказал Уилфриду, — произнес молодой квендель.

— Вскоре после того, как вы спасли Бульриха из дупла огромной липы, я наведалься к нему, — признался мельник с лицом таким же пасмурным, как серое небо над верхушками старых деревьев. — Одилий послал за мной и попросил совета — и я увидел ужасную картину. Как бы ни было неприятно приводить на это изнурительное заседание Бульриха и твою бедную мать, дорогой Карлман, я надеюсь, что их вид поможет даже самым безрассудным и неисправимым понять: нельзя легкомысленно отмахиваться от того, что недавно произошло в Холмогорье. Долгие убеждения тут не понадобятся. Достаточно одного взгляда на бледное лицо Бульриха. — Он замолчал и тяжело затынулся трубкой. Угли разгорелись, и над головами квенделей поплыла голубоватая дымка.

— Нам пора, — сказал Биттерлинг. — Я подзадержался и уверен, что вас тоже ждут с нетерпением. Особенно тебя, Карлман.

Однако он не сел в седло, а повел Фридо за повод.

Карлман скорчил гримасу, услышав последнее замечание Звентибольда.

— Что же тебя задержало? — немного помолчав, обратился он к Биттерлингу. — Встретил кого-то на дороге между Квенделином и нашей аллеей?

— Просто хотел немного разобраться в себе, — ответил Звентибольд. — Хотя мог бы и не беспокоиться понапрасну, но зато я встретил вас. Кстати, а вы почему пошли этой до-

⁴ Тут игра слов: Schattenbart в переводе с немецкого буквально означает «тень-борода». — *Прим. ред.*

рогой, вдоль Холодной реки? Шагали бы напрямую, от мельницы через поля.

— Карлман решил, что не мешало бы взглянуть на Воронью твердыню, — пояснил Уилфрид, подмигнув молодому квенделю. — И чуть не свернул себе шею, пытаясь заглянуть за деревья на дальнем берегу и проверить, действительно ли квенделинцы ушли. Непростая задача, ведь погода совсем осенняя, а ветви до сих пор одеты в густую листву.

Звентибольд тихонько рассмеялся. Все снова на некоторое время замолчали. Слышались только их шаги и стук копыт Фридо, да поднявшийся ветер шелестел листьями лип.

За добрых пятьсот шагов до того места, где аллея упиралась в Воронью деревню, деревья слева расступились и образовали большую петлю вокруг просторной площади. В верхней ее части возвышалась одинокая липа — вероятно, самое большое дерево в Холмогорье за пределами Сумрачного леса и такое же старое, как руины Вороньей твердыни над рекой. Узловатый и серый, словно точеный ветром камень, ствол шириной с амбарную дверь делился на четыре толстые ветви, которые указующими перстами торчали во все стороны света, будто символы значимости этого места.

Бывали времена, когда его важность не подвергалась сомнениям, ведь, по преданию, основатели Вороньей твердыни когда-то восседали под липой за каменным столом и вершили суд. До сих пор ходили сплетни, что здесь же приговоренных и казнили, но подтверждений этому не находилось. Однако позже восхищение могучим, освященным временем деревом, пересилило зловещие слухи — семья квенделей даже построила рядом с липой трактир, когда тут возникла деревня. Прошло несколько веков с тех пор, как один из первых поселившихся здесь квенделей, а именно Зайтлинг — предок нынешнего трактирщика, решил втащить древний каменный стол, этого молчаливого свидетеля стародавней поры, не тронутого ни ветром, ни непогодой, под крышу заведения и превратить в барный. Конечно, не слыш-